

очередное собрание, а делать то, к чему предназначена подлинная история, подлинная литература – к сопряжению судеб.. Ростки непонимания, разлада давно уже разделили поколения людей. Окунувшись в борьбу, они, кажется, только увеличивают пропасть, умножают неверие в человека. Смешение языков Богом в легенде о Вавилонской башне, только сказка в сравнении с реальной жизнью в одном из латвийских колхозов. Вот и интеллигенты из чужого, недоступного городского мира колхозному плотнику Лешку Фролова из рассказа «Рубенс» воспринимают как какого-то питекантропа, не способного понять их изысканных эстетических вкусов. На предложение Людмилы Сергеевны показать плотнику репродукции Рубенса, его

новый сосед, интеллигент Игорь отвечает: «Не смей! Неужели ты не понимаешь, что без подготовки Рубенс покажется ему обыкновенной порнографией?»

В книге «Дешево продается клоун» раздельность преодолевается верой в человека, в его творческие силы, в его способность сострадать ближнему. Эта вера находит выход в культуре, к которой порой оказываются ближе колхозный сторож Лешка Фролов, выжившая из ума старуха, нежели признанные властью писатели или городские интеллигенты. Гуманистическая проза Марины Костенецкой восходит к лучшим образцам европейской литературы и представляет безусловный феномен русской культуры в Латвии.

Сергей Мазур

Интервью с Мариной Костенецкой

Из Москвы я вернулась в ранге простого смертного...

Сергей Мазур: Давайте еще раз вернемся к некоторым моментам истории восстановления независимости Латвии. Вы были депутатом СССР от Народного Фронта. Что депутаты вашей фракции делали в Москве после провала путча в августе 1991 года?

Марина Костенецкая: В латвийских учебниках новейшей истории схема восстановления независимости Латвии, мягко говоря, несколько упрощена. 4 мая мы празднуем День провозглашения Декларации независимости Латвийской Республики, и эту дату молодое поколение уже воспринимает как реальный новый день рождения страны. Мол, вновь избранный в 1990 году Верховный Совет Латвийской Республики принял Декларацию, и... в одночасье Латвия стала независимой демократической страной! Никаких значимых событий в СССР стране, частью которой Латвия реально оставалась вплоть до 6 сентября 1991 года исходя из такой трактовки истории, вроде бы не происходило. В действительности же независимость де-юре и де-факто Латвия обрела лишь год и четыре месяца спустя, после провала августовского путча в Москве. Да, в этом путче президент России Борис Ельцин победил союзных мятежников так называемого ГКЧП. Да, 24 августа 1991 года Ельцин подписал знаменитый Указ «О признании государственной независимости Латвийской Республики». Но Латвия-то выходила не из состава России, а из СССР! Большая разница. И как государство Советский Союз просуществовал еще до декабря 1991 года, так что окончательно вольную Латвии должен был дать легитимный еще на тот момент президент СССР Михаил Горбачев. Именно поэтому такие большие и влиятельные в мировой политике страны как США, Канада, Франция, Германия, Китай и другие не поспешили с признанием независимости Латвии сразу же вслед за Россией.

Ситуация в Москве в последние дни августа оставалась еще напряженной и непредсказуемой не был исключен сценарий реванша силовиков.

Как бы то ни было, 2 сентября 1991 года в Кремлевском дворце Съездов открылся последний в истории V Съезд народных депутатов СССР, и избранные от Латвии депутаты вручили президенту М. Горбачеву официальное обращение с требованием немедленно признать независимость Латвийской Республики. С позиции юрисдикции, согласно Конституции СССР, такое решение мог принять только Съезд. Однако, поскольку Горбачев прекрасно понимал, что даже после провала путча «агрессивно-послушное большинство» ни в коем случае не проголосует за такое постановление, было решено, что Съезд свои полномочия делегирует специально сформированному Государственному Совету, в состав которого войдут сам президент СССР и высшие должностные лица союзных республик. Голосование по утверждению Совета 4 сентября обернулось на Съезде настоящей трагикомедией: когда зал три раза подряд проголосовал *против*, Горбачев – уже просто на автопилоте! – предложил депутатам голосовать в четвертый раз, и вдруг... получилось! Есть кворум! И в тот же момент в зале были отключены микрофоны – Съезд закончил свою работу.

Ирония судьбы: I Съезд 25 мая 1989 года несанкционированным выступлением «открыл» депутат от фракции Народного фронта Латвии Вилен Толпежников: он поднял зал на *минуту молчания* в связи с трагическими событиями в Тбилиси. И последний, V Съезд 4 сентября 1991 года «закрывал» депутат от Латвии. Но на сей раз это был *соловей интерфронта* Виктор Алкснис. Полковник советской армии стоял на сцене у отключенного микрофона и отчаянно взывал к залу: «Товарищи! В стране только что

произошел конституционный переворот!» Но «товарищи» изменить ситуацию уже не могли – свое последнее слово сказала сама История.

Сергей Мазур: Последний Съезд в Москве закончился, вы вернулись в Ригу. Как дальше складывалась ваша судьба?

Марина Костенецкая: Интересный вопрос. Если вы думаете, что депутатов СССР избранных от Народного фронта, в Риге встречали с цветами и духовым оркестром, то очень ошибаетесь! После того как утвержденный Съездом Совет уполномочил Горбачева подписать Указ о признании независимости Латвийской Республики, и 6 сентября 1991 года в 10:30 утра Янис Петерс и Янис Диневич вышли с подписанным документом в руках из Кремля, бывшие депутаты СССР в мгновение ока оказались *отработанным материалом*. Нас просто вычеркнули из истории те, кому мы вымостили путь к дальнейшей политической карьере и личному обогащению на ниве грянувшей тут же *прихватизации*. Правда, за бортом истории остались не все. Некоторые бывшие депутаты СССР из строителей коммунизма быстренько переквалифицировались в строителей дикого капитализма и к *корыту* пробились в первых рядах. Слава Богу, я к их числу не принадлежала. По той простой причине, что, во-первых, ничего не смыслю в ценных бумагах, а во-вторых, не считала и не считаю, что за какие-то особые заслуги мне по закону причитаются латвийские заводы, дома, пароходы... Да никто и не звал меня на пир победителей! Как говорится, мавр сделал свое дело.

Из Москвы я вернулась в ранге простого смертного. В Латвии Народный фронт не предложил мне никакой работы – ни дворника, ни министра. Впрочем, на пост министра я не претендовала. Само собой разумеющимся для меня было то, что министр должен быть как минимум специалистом в соответствующей отрасли. Позже, когда увидела, с какой легкостью расхватывали министерские портфели люди до этого имевшие опыт работы максимум в ранге членов домкома, поняла, что на их фоне в министерском кресле я бы смотрелась вполне респектабельно. Но как бы то ни было, после сложения депутатских полномочий в Москве у себя на родине я оказалась безработной. Никакой денежной компенсации бывшим депутатам СССР, само собой разумеется, не полагалось. Пособия по безработице тоже. Как дальше жить?

У меня в то время был хутор, который я купила на гонорары от своих книг еще в советское время. Тогда это было очень модно в кругах творческой интеллигенции приобретать недвижимость. Кто-то мог позволить себе дом на берегу моря, кто-то только хутор в деревне, что было намного дешевле. Вот на хутор моих гонораров и хватило: у вдовы лесного обходчика в 70-е годы я купила в бауских лесах дом с романтичным названием *Драудзини* («Дружки»). Оказавшись в свободной Латвии никому не нужной, я уехала на свой хутор и занялась там сельским хозяйством, как сейчас жена американского президента Барака Обамы. Она, говорят, вспахала под грядки газон возле Белого дома, чтобы личным примером показать американцам, как следует бороться с

мировым экономическим кризисом. Ну, а я уже в начале девяностых годов прошлого века вспахала вокруг своего дома луг, на котором у бывших хозяев паслись коровы. Для того, чтобы вспахать этот луг, надо было нанять тракториста, а заплатить мне ему было нечем – последние сбережения от кремлевской зарплаты к весне иссякли. И тут в мою рижскую квартиру пришла в гости простая латышская женщина Лидия Дуршиц. Царство ей небесное! По профессии Лидия была хлебопекарем, по происхождению из крестьян. У меня на кухне в стенном шкафу она обнаружила множество банок с засахарившемся вареньем. Это были еще мамини стратегические запасы. Мама умерла в 1987 году, я с головой ушла в политику, варенье потреблять было некому, и оно благополучно дождалось своего часа: Лидия мне торжественно объявила, что это великолепная валюта. Я ничего не поняла, а гостя забрала все банки в свой дом, установила там самогонный аппарат и из маминого засахарившегося варенья сотворила ту самую *валюту* – чистую как слеза самогонку! Разлили *валюту* по бутылкам и отвезли на хутор. У меня тогда еще была машина. Наняли тракториста, он за самогонку вспахал газон возле «белого дома», то бишь, луг вокруг моего хутора. Раньше на этот луг приходили косули, и я умилялась красоте дикой природы. А теперь мне надо было выживать, и под руководством все той же мудрой латышской крестьянки Лидии Дуршиц я построила полиэтиленовую теплицу, купила семена моркови, огурцов, свеклы... Вокруг огорода тракторист за дополнительную плату построил забор из жердей, но для лесных кабанов это оказалось не помехой: картофельное поле мы с ними обрабатывали сообща – весной я картошку сажала, осенью кабаны ее выкапывали. Все же что-то от урожая досталось и мне. Впервые в жизни я мариновала, солила, консервировала то, что своими руками вырастила на огороде. Надо было выживать, и я умудрилась выжить: на Лидину пенсию (в долг), мои более чем скудные случайные литературные заработки и дары природы с огорода. На самый трудный переходный год хватило.

На следующий год мне удалось найти работу на Латвийском радио. Вернулась в Ригу. А тем временем в обществе набирала обороты вакханалия с приватизацией и принятием закона о гражданстве со всеми вытекающими последствиями. После тихой жизни в деревне я опять поневоле оказалась в водовороте политических страстей. Увидеть, как национально озабоченные политики предают тех русских, которые вместе с латышами отстаивали независимость Латвии на баррикадах, было для меня шоком. Впрочем, часть русских благополучно приспособились к новой реальности и вместе с латышами бросилась грабить страну по принципу: клуй ближнего, плюй на нижнего и поднимайся все выше! Общей лопатой гребли и за сертификаты, и без сертификатов все подряд – от заводского сырья и оборудования до колхозных детских садов и санаториев в Юрмале. Не было тут чисто национального распределения. То есть «перли», простите за выражение, все – и латыши, и русские. Но чтобы официально все же латышам досталось больше, приняли соответствующий закон: землю покупать могут только граждане, и вообще у граждан на все в Латвии прав больше, чем у всяких там мигрантов-оккупантов. В итоге, годы спустя все равно выяснилось, что недвижимость в Юрмале скупчили в основном русские. Причем отнюдь не местные, а «новые русские» из России. То есть на каждого русского покупателя, не

имеющего гражданства Латвии, нашелся латышский гражданин продавец. Но это сейчас выяснилось, а тогда, в начале 90-х, закреплённая законом несправедливость в одночасье расколола общество на два враждебных лагеря. Последствия могли стать непредсказуемыми, и я выступила в латышской прессе с предупреждением. Тут уж на меня ополчились латыши! До сих пор, с подачи КГБ, я была дочерью врага советского народа и, соответственно, врагом всех русских Латвии, защищающим интересы «фашистов». Теперь вдруг выяснилось, что русский есть русский и боль латышей ему никогда не понять. Что же я такого крамольного сказала? Как всегда, только то, что думала. А именно: предательство русских, проголосовавших за независимость Латвии, обернется для самой же Латвии трагедией. Вы хотите, чтобы русские уехали? Они уедут. Но уедут лучшие. Да, *унесет ног*, спасаясь от нового режима, и какой-то процент партийно-номенклатурной коммунистической элиты. Но в основном уедут высококвалифицированные специалисты, люди, владеющие языками (латышским в том числе), знающие себе цену и уважающие собственное достоинство. Они будут востребованы в любой цивилизованной стране мира, и полученное ими в Латвии образование станет работать на экономику этих стран. Собственно так все и произошло. Уехали высокообразованные. А те, кого латыши мечтали увидеть отъезжающими в первых эшелонах, никуда не делись, остались в Латвии. Без знания английского им нечего было искать на Западе, в России же их тоже не больно ждали, и они это очень быстро поняли. Некоторые пошли на курсы латышского языка. Но выученный прагматично, а то и с ненавистью язык к стране проживания любви не добавит. Произошло мощное отторжение без малого половины жителей страны от титульной нации. И это в то время, когда бывшая советская армия еще не покинула пределы Латвийской Республики, а вступление в НАТО и Евросоюз и самим национально озабоченным политикам

казалось несбыточной мечтой! То есть те же танки с Адажского полигона могли начать наводить в межнациональных отношениях такой порядок, что мало не покажется...

И вот в этой обстановке в 1993 году в Латвии восстанавливается институт президентства. Президентом избирается никому доселе неизвестный Гунтис Улманис, который оказывается не просто однофамильцем, а еще и родным племянником последнего президента довоенной Латвии – Карлиса Улманиса. Как только Гунтиса Улманиса избирают на царствие, он тут же попадает в круг внимания журналистов. Из многочисленных интервью нового президента Латвия узнает, что в 1941 году в полуторагодовом возрасте он с бабушкой был депортирован в Сибирь. На русском языке Гунтис Улманис дает интервью журналистке «Домской площади» Людмиле Корсак (к сожалению, нынче уже покойной), которое я по радио слушаю у себя дома. Видимо в расчете на определенную поддержку русскоязычной аудитории, президент очень эмоционально рассказывает о своих впечатлениях детства в Сибири, в частности, о том, что в ссылке их с бабушкой тайно, рискуя собственным благополучием, подкармливали русские женщины. Этот рассказ меня настолько потрясает, что я тут же у себя дома сажусь за письменный стол и пишу почти личное письмо президенту.

Через несколько дней именно под таким названием – «Почти личное письмо президенту» – текст был опубликован на латышском языке в официальной газете «Латвияс Вестнесис», а на русском в выходившей тогда и в русском варианте газете «Диена». Это был июль 1993 года. Какие надежды я тогда возлагала на нового президента страны, что сказала ему как русский писатель Латвии в напуществе – это вы можете прочесть здесь и сейчас. Сегодня к сказанному в 1993 году могу добавить только одно: точно такое же по смыслу письмо, заменив имя Гунтис Улманис на Валдис Затлерс, я готова была бы адресовать и ныне действующему президенту. Ситуация в межнациональных отношениях в нашей стране, к сожалению, остается напряженной.

Марина Костенецкая

Почти личное письмо Президенту

Поскольку письмо это почти личное, позволю себе начать его не с утвержденного протоколом официального обращения «Уважаемый господин Президент!». Я начну словами, которые только что в пустой комнате сказала сама себе вслух: «Здравствуйте, Президент... Добро пожаловать на пост главы государства, незнакомый мне полуторагодовалый мальчуган Гунтис, более пятидесяти лет тому назад заблудившийся в таежных снегах Сибири!»

Сегодня суббота, 10 июля. Уже четвертый день Вы являетесь законно избранным Президентом Латвийской Республики, и уже четвертый день вся Латвия следит за каждым Вашим шагом, доступным через средства массовой информации. По второй программе Латвийского радио в передаче «Домская площадь» только что прозвучали Ваши

ответы на вопросы, которые на очередной пресс-конференции Вам вчера задали журналисты. И вот, в дополнение к достаточно официальной информации о первых годах Вашей жизни, которую публиковали в эти дни газеты, добавились чисто по-человечески эмоциональные воспоминания Президента о своем раннем детстве.

Да, и Вашу семью не миновала драма депортации 1941 года (а разве могло быть иначе?), поэтому первые шаги в этом мире вместе со своим народом Вы сделали по великому Пути Скорби.

Отмечая особенности ментальности латышского народа, специалисты, как правило, ссылаются на дайны, этот уникальный памятник духовной культуры, который создал не один отдельно взятый поэт, а в совокупности весь народ.